

САМОСОЗНАНИЕ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Е.Л. Яковлева

ЭЛЕКТРОННЫЙ КОЧЕВНИК КАК НОВАЯ ФОРМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Объектом исследования выступает человек, а предметным полем – анализ его новой идентификационной формы, связанной с появлением электронных инфраструктур и создаваемых ими пространств, захватывающих личность в свой плен. Наличие множества видов электроники накладывает отпечаток на бытие человека, становящегося электронным кочевником, не имеющим дома и бесконечно перемещающимся в пространстве. Электронный микроландшафт, претендующий на макроуровень, основан на сочетании естественного и искусственного миров, грань между которыми оказывается размытой, что приводит к его неоднозначности: электроника, с одной стороны, зависит от кочевника и помогает ему, с другой стороны, подчиняет и создаёт множество помех, рождая особую сферу, живущую по собственным законам. Перечисленное обуславливает противоречия в проявлениях кочевника, имеющими экстравертный и интровертный модусы, диалектически взаимосвязанные между собой. Кочевник оказывается человеком не инклюзивным, а химеричным: он отчуждённо включён посредством высоких технологий в новую реальность, являющуюся иллюзорной копией действительности и претендующей на главенствующие позиции в его жизни. Более того, его включение в саму действительность является мерцающим. Решение множества проблем, появляющихся в бытии электронного кочевника, кроется в реконструкции аксиосферы, обращении к традиции и смысложизненному поиску. Проблема рассматривается в форме нарратива с применением семиотического, диалектического и феноменологического методов, помогающих раскрыть специфику современной личности. Новизна исследования заключается в анализе новой формы идентификации личности, определяемой автором как "электронный кочевник". Основные положения и выводы исследования могут быть использованы в научной, педагогической и практической деятельности, применяться при работе с людьми, а также интерпретации разного рода ситуаций социального и попыток решения проблем личности.

Ключевые слова: идентификация, электронное кочевничество, кочевник, путник, бездомность, дорога, инклюзивный человек, отчуждение, мерцание жизни, химеричная личность.

Review. The object of the research is human and the subject of the research is the analysis of a new kind of human identity that has appeared as a result of electronic infrastructures and networks created by these electronic infrastructures and capturing one's personality. The fact that there are so many kinds of electronic devices today has a certain impact on human existence. Human becomes a so-called electronic nomad who has no home but constantly moving throughout space. Electronic microlandscape that claims to reach the macrolevel is based on the combination of natural and artificial worlds, however, the distinction between them is so vague that it creates certain ambiguity: on the one hand, electronic devices depend on a nomad and help him out, on the other hand, it subdues him and creates numerous disturbances which generates a special sphere existing according to its own rules. This creates contradictions in nomad's behavior that has dialectically interrelated extravert and introvert modes. Thus, a nomad appears to have a chimerical but not inclusive personality. He is estrangedly included in the new reality by the means of high technology, however, this new reality is an illusory copy of reality and claims to play a dominating role in a nomad's life. Moreover, his inclusion into the reality is also 'flickering'. Solution of numerous problems arising for an electronic nomad can be made through reconstruction of axiosphere and appealing to traditions and searches for the meaning of life. The author of the article discusses this problem in the form of a narrative using semotical, dialectical and phenomenological methods which allows to describe peculiarities of a modern personality. The novelty of the research is based on the fact that the author analyzes a new kind of personal identity defined by the author as the 'electronic nomad'. The main provisions and conclusions of the research can be used in scientific, teaching and practical activities as well as social work and interpretation of different kinds of social situations and attempts to solve personality issues.

Key words: person inclusive, road, homelessness, traveler, nomad, electronic nomadism, identity, exclusion, flicker of life, chimerical personality.

В современном мире главенствуют разного рода новации, информационные, био-и нанотехнологии, усложняющие систему социального, тем самым постоянно меняя течение развития культуры и усложняя его. Высокие технологии (hi-tech) и «информационный взрыв» (М. Маклюэн) способствуют появлению в бытии социального хаотичности, избыточности и беспредельности, что постепенно начинает проникать в жизнь личности, существенно изменяя её и обуславливая новые формы (частичного человека / дивида, тело без пространства / экранное тело и пр.). Как правило, индивид, в каком бы состоянии он не находился, желает себя осмыслить, определить и соотнести, что подводит нас к *проблеме идентификации*, обладающей разнообразным количеством модусов (национальная / социальная / конфессиональная и др.), сплетающихся в единый клубок. Одновременное сочетание внешних и внутренних параметров, составляющих «хитрые переходы от одного к другому, запутанные случаи и промежуточные зоны» [1, с. 215], генерализация (соотнесение себя с чем-то большим) и индивидуализация (различение себя от иного) рожают собственное представление о Я и восприятие Я Другими. В итоге идентичность выстраивается «через установление субъективно переживаемых сходств с другими (с кем человек себя идентифицирует)» и «через установление различий», то есть «для любой идентификации необходимо *противопоставление*» [1, с. 211-212], что подчёркивает ситуативный и динамичный характер этого сложного процесса.

Если рассматривать идентичность как ценность, связанную с обнаружением благоприятного пространства минимизации ущерба жизни, то человек нуждается в своем распознавании и оценивании, а значит – культурной идентичности. Благодаря способности идентифицировать себя, представляющую собой мыслительно-логическую процедуру, личность *осознает смысл* конкретной культурно-исторической среды, в которую погружена, и *модель проявления* в ней. В итоге *внешнее социальное* воспринимается индивидом как *объективированное внутреннее*, позволяющее демонстрации Я. Осознание своей идентичности помогает преодолеть кризисность бытия, обезличенность человека и различные формы отчуждения, начинающие главенствовать в современной жизни.

Развертывание высоких технологий и появление гибридных культурных образований приводят к *эрозии* старых форм идентичности и рожают иную социокультурную среду, способствуя появлению *новых типов постсовременной идентичности*,

нередко трудно поддающихся теоретическому осмыслению и вербализации. Бытие человека сегодня настолько зависит от электронно-технических устройств и их функционирования, способствующих появлению новых модусов существования, что учёные начинают анализировать процесс технологизации культуры и техногенности как мировоззренческого принципа, вводя понятия «техночеловек» / «техногенный человек». Углубляют ситуацию, с одной стороны, очарованность идеологией потребления, приведшей индивида к одномерности и отчуждению от себя (*homo consumit – человек потребляющий*); с другой стороны, культ личности, связанный со стремлением показать только собственное Я. Всё перечисленное приводит к актуализации культурной проблематики в современном социально-философском дискурсе, связанной с выявлением и определением новой формы идентификации человека.

Поиск идентичности современной личности, утратившей свои государственные / национальные / семейные и другие основания жизни, приводит нас к феномену *электронного кочевничества*. Предпосылки идеи кочевничества можно обнаружить в «Философических письмах» П.Я. Чаадаева и идеях Ж. Аттали. Последний в своей работе «На пороге нового тысячелетия» (1992 г.) называет людей будущего *кочевниками*, находящимися в постоянном передвижении и не имеющими константного пространства (его границ, адресов местопребывания) и связанного с ним окружения (семьи, друзей и пр.). Описанные Ж. Аттали кочевники свободно манипулируют «кочевническими объектами» – компьютерами / мобильными телефонами / магнитными карточками. Сам термин «*электронный кочевник*» встречается в работе У. Митчелла «Я++: Человек, город, сети» (в оригинале – «ME++: The Cyborg Self and the Networked City»), написанной в 2003 г. Заимствуя термин, осуществим анализ новой формы идентификации личности.

Как известно, *кочевник* – человек, ведущий постоянно / временно бродячий образ жизни. Страсть к освоению / покорению нового пространства, поиск средств к существованию, специфическая деятельность (исследователь, ученый, сезонный работник, артист и др.) и / или жажда приключений толкает личность к кочевничеству. Но человек, находясь в странствиях, оказывается *бесприютным*: в его бытии нет точки опоры в пространстве, связанной с привязкой к определённому месту, имеющему свой постоянный адрес. В этом отношении кочевник отличается от *путника*. Последний имеет привязанность к месту (адрес места жительства), а в его странствиях есть точка

отправления и назначения (*откуда и куда*). Путник рационально выбирает свой путь в отличие от кочевника, в чьей жизни наблюдается ризоматичность и непредсказуемость передвижения. В странствиях кочевника обнаруживается «цветущая сложность» (К. Леонтьев), посредством которой он желает приукрасить свою жизнь и наполнить её яркими, незабываемыми впечатлениями.

Кочевник *бездомен*, что подчёркивает кризисность его бытия. Объясняется это тем обстоятельством, что для человека наличие и ощущение дома создаёт устойчивую платформу, связанную с определённой внешней / внутренней комфортностью и теплотой. Согласимся с О. фон Больновым, определившим человека в качестве «существа, строящего дом» [2, с. 139]. Дом – символ безопасного пространства и защиты (вспомним, «мой дом – моя крепость»). Для человека дом как освоенное место обитания отождествляется с семьей и её традициями, сокровищницей родовой мудрости, безопасностью и постоянством, а также сакральным пространством – своеобразным храмом, семейным гнездом, где можно укрыться, создать своё потаённое, подумать / поведать о сокровенном, оказать гостеприимство. Не случайно дом выступал синонимом понятия «семья»: например, в татарском языке слово «эйләнергә» – жениться / завести семью происходит от слова «эй» – дом. Подчеркнём, в современности институт семьи испытывает определённые кризисы и трансформации, обусловленные, в том числе, кочевым образом жизни.

Феномен бездомности олицетворяет нечто холодное, отчуждённое, страшное и ужасное, на что обращает внимание перевод хайдеггеровского термина *un-heimlichkeit* как *без-домное / бес-приютное*, а в интерпретации В.В. Бибихина – *жуткое*. Более того, в «Бытии и времени» мы встречаем понятие *das Un-zuhause* (*жуть*), означающее без приставки *Un* *свой дом / обжитое место. Бездомность кочевника*, не ощущающего своего родного места / Родины, приводит к безродности / *без-Род-ности*, что подчёркивает катастрофичность его положения, связанную с потерей корней и нравственной компоненты: «утрата связи человека с Родом, безродность исключает всякую возможность возвращения. Безродные вины не чувствуют» [3, с. 21]. Бездомность являет собой мир, где отсутствует точка опоры и источник, задающий ценностную основу смыслам, превращая жизнь кочевника в *абсурд* (от лат. *ad absurdum*, то есть *то, что исходит от глухого*, лат. *absurdus* – нестройный / нелепый). Действительно, кочевник оказывается глухим, непроницаемым ко многим традиционным смыслам, что делает его нелепым и глупым в жизненных си-

туациях, требующих конкретных знаний и умений, чувств и эмоций. Он может перемещаться в пространстве и совершать определённые операции, но не способен задумываться над ними и, значит, обладать их реальным смыслом. В итоге вся жизнь кочевника, путешествующего, но не рефлексирующего над смыслами, в том числе смыслом жизни, превращается в бессмыслицу, где «абсурд замкнут и самодостаточен», не допуская «проникновения в свой мир какой-либо осмысленности происходящего» [4, с. 18].

Первоначально ощущение бездомности дарит человеку неограниченную свободу, удовлетворяя тем самым его экзистенциальные томления, стремления и страсти. Но современное *бытие-в-бездомности* со своей безграничностью пространства и отсутствием целевых установок приводит к тому, что «ни у кого нет определённой сферы существования, ни для чего не выработано хороших привычек, ни для чего нет правил; нет даже домашнего очага; нет ничего, что привязывало бы, что побуждало бы в вас симпатию или любовь, ничего прочного, ничего постоянного; все протекает, все уходит, не оставляя следа ни вне, ни внутри вас» [5, с. 36].

Кочевничество связано с феноменом *дороги*, если брать шире – *жизненного пути* личности и судьбы. Дорога включает в себя маршруты странствий и вектор движения с перекрестками и остановками, что придаёт ей особый флер. Согласимся с Жорж Санд, написавшей следующие строчки: «есть ли что-нибудь прекраснее дороги? Это символ и образ деятельной, многоголосной жизни» [6, с. 116]. Дорога как магнит влечет к себе, заманивая человека своей непредсказуемостью, неожиданностями в пути и приключенческой ситуацией неизвестности.

Каждый человек – кочевник или путник – выбирает свою дорогу, свой жизненный путь. Другое дело, *каков вектор его перемещения* в пространстве (вперёд / назад, вправо / влево, вверх / вниз, топтание на одном месте / броуновское движение или их сочетание) и *каким образом он идёт* (постепенно / скачкообразно, медленно / быстро, правильно / с нарушениями и их различными комбинациями). При этом путь подразумевает не только количество метафизических дорог, но и их качество. Вспомним слова Конфуция, в которых утверждается, что только «человек способен сделать путь великим, но великим человека делает путь». Из приведенного суждения, вуалировано характеризующего качественно-нравственные проявления личности, лежащие в основе как субъективного, так и объективного величия, мы подходим к *идее инклюзивности человека*, отправляющегося

в путь. Подчеркнём, мы даём широкое понимание феномена инклюзивного человека, характеризуя его как личность, **включённую в процесс / действие / путь**. В свою очередь, включённость предполагает заинтересованность, активное участие, отклик на происходящее и желание достичь определённого результата. Исходя из этого, *инклюзивный человек есть каждый*, обладающий индивидуальностью со своими личными запросами, кто активно включается в формат «текучей современности», проявляя озабоченность ею и интенциональность, событийствует / со-бытийствует, рефлексирова и соучаствуя / со-участвуя, слыша отклик и находя отклик в ней.

Проблема инклюзивности рождает закономерные вопросы: Как соотносятся между собой кочевник и инклюзивный человек? Насколько инклюзивен кочевник? Осуществим поиск ответов на поставленные вопросы, способствующие всестороннему пониманию электронного кочевничества.

В новой форме идентичности человека кочевничество всеохватывающе. Оно проявляется в мышлении, поступках и жизнедеятельности в целом. Кочевник в любой момент времени способен двинуться со свой *стоянки* и соответственно обстоятельствам перестроиться. Но к его дорожным схемам бесполезно предъявлять требование точности: их рисунок ризоматично изменчив и изворотлив, создавая «карнавальное пространство» (М. Бахтин) с причудливыми арабесками. Рождается довольно переменчивая среда, в которой одновременно проявляются свобода и ограничения. Современный человек нигде *не задерживается*: его мысли перескакивают с одной на другую; ни одно из дел / проектов он не доводит до конца; фокусируя внимание каждый раз на новом, личность свободно перемещается в пространстве социального, постоянно меняя место жительства / работу / окружение / пристрастия. Как пишет У. Митчелл, «в кочевом электронном мире я становлюсь двуногим терминалом, ходячим IP-адресом, а может, ещё и беспроводным маршрутизатором в импровизированной мобильной сети», в результате чего «я вписан не в витрувианскую окружность, а в расходящиеся от меня круги электромагнитных волн» [7, с. 80]. Среди атрибутов современного кочевника обязательны только паспорт, кредитка и переносное электронное оборудование, помогающие его автоматическому идентифицированию.

Современное качество кочевника, выделенное нами в понятии *электронный*, требует пояснений. Электронный мир, имеющий сегодня цифровое и аналоговое воплощение, включает в себя расширяющуюся и миниатюризирующуюся

техническую инфраструктуру (сеть, беспроводные технологии, виртуальную реальность, спутниковое и цифровое телевидение, видео, Интернет, CD-Rомы, электронную почту, мобильные медиа, оптику, навигаторы и др.), разнообразие которой множится, смешиваясь / комбинируясь / гибридизируясь / анатомизируясь / обновляясь с космической скоростью и захватывая всё большее пространство, тем самым способствуя формированию *глобального электронного мышления*. В современности высокие технологии начинают главенствовать, управляя всем в окружающем бытии, в том числе энергетикой, службами спасения, финансовыми и банковскими организациями, военным комплексом, системой здравоохранения, промышленностью, транспортом, связью, телекоммуникациями и пр. Электроника рождает новую логику децентрализованного и удалённого производства, где операции выполняются на большой скорости посредством поиска, обмена, коллажирования и сэмплирования. Можно утверждать, электроника – это пространство, которое, завораживая, захватывает личность до такой степени, что приводит к *электронной зависимости*. Последняя выражается в невозможности существования / проявления индивида без определённого набора гаджетов и манипуляций ими. В свою очередь и электронные технологии способны управлять жизнью человека, используя в качестве мощного орудия манипуляции сознанием и поведением людей, становясь средством тотального наблюдения и системой, хранящей персональные данные, «выращивая» эмоции в рамках реалити-шоу, тем самым *покушаясь* на свободу человека и нарушая его права. Согласимся с У. Митчеллом, написавшим, что «миниатюризация электронных устройств и увеличение количества цифровой информации радикально поменяла отношения людей со средой обитания и друг с другом»: люди оказываются неотделимыми «от всё более изоциренных электронных органов», а «тела теперь находятся в состоянии непрерывного электронного взаимодействия с окружающей средой», вследствие чего размываются «границы пола, расы и даже биологического вида» [7, с. 9, 84]. В итоге появляется новый метафизический принцип: «Я – часть сетей, а сеть – часть меня... Я на связи – значит я существую» [7, с. 85].

Окружающее пространство начинает ситуативно мимикрировать, становясь многофункциональным: «столик в кафе может стать читальным залом библиотеки, лужайка в тени деревьев – дизайн-студией, а вагон метро – залом кинотеатра» [7, с. 211]. Вокруг человека создаётся электронный микроландшафт, одновременно завися-

щий от хозяина, помогающий и мешающий ему. Не в последнюю очередь объясняется подобное двусмысленностью пространства электроники. С одной стороны, оно основано на сочетании реального и нереального (искусственного / цифрового / аналогового). С другой стороны, внутри созданного электронного пространства мы обнаруживаем очередное совмещение реального и искусственного, что в целом говорит о сложности и непредсказуемости электронного мира. Неслучайно У. Митчелл, давая характеристику современным техническим устройствам, называет их, в том числе, *электронными паразитами*.

Синтез символизма кочевничества и электронного мира в их переносе на метафизику личности рождает «цветущие сложности», высвечивающиеся при попытке идентификации человека современной эпохи. Согласимся с утверждением К. Поппера о том, что «ход человеческой истории предсказать невозможно» [цит. по: 8, с. 45], и своей непредсказуемостью жизни электронный кочевник это доказывает. «Быть для человека равносильно тому, чтобы жить, то есть воспроизводить себя, в том числе и физически, в рамках исторически заданных условий и обстоятельств» [8, с. 59]. Но электронный кочевник выходит за рамки мира физического, воспроизводя себя в мире искусственном. Он своим стилем и образом жизни постоянно являет нам симуляции *модуса быть*, бесконечно производя пустые болванки. Согласимся с В.М. Межуевым, справедливо настаивающем на следующей позиции: «о людях вообще надо судить не по тому, что они думают о себе, а что реально делают» [8, с. 59]. Окружающий человека мир, в первую очередь, практичен. Для К. Маркса практика – «синоним деятельности, направленной на производство не только полезных вещей, но и самого человека. Изменяя мир, человек одновременно изменяет себя, всю сумму своих отношений с другими людьми» [8, с. 61]. Перенесём данные положения на современную личность.

Как мы считаем, кочевник, взаимодействуя с искусственными мирами, нередко далёкими от реальности, виртуализируется в своём бытии и отчуждается в коммуникации, что изменяет его метафизику. Данные суждения требуют прояснений.

Электронного кочевника отличают противоречивые характеристики, которые вносят определённый раскол в его личность. Так, электронный кочевник отличается мобильностью, проживая свою жизнь / жизни на огромной скорости в ритме «бешеной неподвижности», где происходит сжатие процессов, осуществляется практика мультизадачности в каскаде процессов и снимается различие

между последовательным и синхронным. Но при этом он застрял в рутине, где господствует ситуация, когда *ничего не происходит*. В бытии кочевника обнаруживают себя спонтанность и непредсказуемость контактов / действий / эмоций, но при этом он имеет возможность выбора из представленного разнообразия или её иллюзию. Нарративы, запутывающие кочевника, не истинны: в них при детальном анализе выявляется множество фальсификаций и выдумок. Сам электронный кочевник – великий комбинатор, бытийствующий на грани неоднородных пространств и даже заигрывающий с ними. Он живёт «в точках, где электронные потоки информации, подвижные субъекты и реальные пространства сходятся самым полезным и приятным образом» [7, с. 10]. В этих точках он «создаёт сети, строит альянсы, заключает сделки», но при этом «вынужден жить в атмосфере риска, где знания и изменения нестабильны» [9, с. 303].

Кочевник бытийствует в гуле информации со множеством контактов, где никто никого не слышит и, возможно, не ставит такой цели, тем самым актуализируя проблему одиночества и желая высказаться о себе, поведав о сокровенном и потаенном. В рамках новых типов коммуникации рождаются симулякры экзистенциального типа, например, виртуальная любовь / дружба / вражда как своеобразная «приватность под лучами прожекторов» (Ю. Хабермас), подразумевающая открытость зоны интимности. Кочевник одинок, но он не рефлексирует над своим состоянием, потому что оно заполнено разного рода симулякрами и симуляциями. Отсутствие критических раздумий над сложившимся положением дел и памяти, которую всё чаще замещает электронная мнемотехника, усугубляет кризисность, разрушающую личность. Кочевник живёт во множестве событий, но не бытийствует / *со-бытийствует*. Он живёт *вне-самого-себя*, а не *в-себе-самом* и *при-себе-самом*, тем самым постоянно теряя и забывая себя *во вне*.

Электронный кочевник как представитель общества потребления бесконечно развлекается, испытывая скуку, в поисках избавления от которой предпринимает бесцельное путешествие в сетях или следит за развитием срежиссированных событий в реалити-шоу. Именно посредством виртуальных путешествий и погружений в различные гибридные среды, сочетающих в себе реальное и искусственное, как *иллюзий жизни и движения*, он компенсирует свою пассивность / интерпассивность. Кочевник носит *маску анонима*, испытывая интерес, связанный с познанием Другого, но это желание носит отчуждённый характер без проявления эмпативности и культуры соучастия / *со-участия*.

Более того, кочевник является не только субъектом, наблюдающим за происходящим, но и объектом, за которым ведется непрерывно-невидимое электронное наблюдение. Современная эпоха образов и потоки изображений приводят к постоянной *игре ролями* наблюдателя и наблюдаемого: «быть «внутри» этого пространства – значит только смотреть. Быть «вовне» – значит находиться в изображении, быть видимым, будь то на фотографии в прессе, в журнале, кино, на телевидении или в окне» [9, с. 274-275]. Заметим, сама камера, ведущая видеосъемку, сегодня воспринимается как *продолжение субъективности*, нуждающейся в объективации своего бытия и подтверждении того, что *Я* уникально. Здесь мы встречаемся с современной формой нарциссизма, где личностное *Я* выступает в качестве основной фигуры метафизического перформанса, выносимого на всеобщее обозрение. В противном случае «многие люди испытывают страх перед тем, что за нами не наблюдают» [9, с. 297]. Неслучайно «заряд «подлинных эмоций», свойственных образам личной интимности, превратился в новую социальную «валюту», но товарное «Я» оказывается «разовым изделием», так как «от него можно запросто отказаться и выбросить ради другого, более результативного» [9, с. 297, 304].

Исходя из этого, можно утверждать следующее. Электронное кочевничество обладает *двойной метафизикой* – экстравертной и интровертной, диалектически взаимосвязанных между собой. С одной стороны, человек осуществляет странствия посредством электроники реально в своей жизни, что связано с его трудовой деятельностью, коммуникацией, повседневностью, жизненными обстоятельствами и др., характеризующими *экстравертный модус электронного кочевничества*. С другой стороны, каждому человеку присуща внутренняя духовная жизнь, формирующая и проявляющая его субъективность (потаённое, чувства, мысли, идеи, воспоминания, воображение, фантазии, личную силу, энергичность и др.), но и это динамично-подвижное, глубоко интимное пространство сегодня всё чаще прорывается посредством электроники (например, личные сайты / дневники / лайфлоггинг), являя свой *интровертный модус*, выносимый на поверхность социального. Перечисленное приводит к тому, что частная жизнь становится «медийным контентом» (С. Маккуайр), визуализируясь и становясь публичной, о чём свидетельствуют многочисленные реалити-шоу. Окружающий мир становится прозрачным, в нем исчезают стены и уголки интимного пространства, а люди в нем движутся «к глобальной сверхвзаимосвязанности» (У. Митчелл). Отсутствие состояния одиночества и

сопряженного с ним желания разобраться в себе рождает театральность как *жизнь-напоказ-для-другого*, где ключевым принципом становится девиз: «я существую лишь потому, что на меня всё время смотрят» (С. Жижек).

Электронные медиа становятся *зоной пребывания кочевника*. Медийные технологии, обладающие высокой скоростью и «прозрачностью передачи информации» «становятся основой для эмоционального восприятия, способного поддержать *рефлексивное общественное взаимодействие*» [9, с. 241]. Подчеркнём, названное С. Маккуайром свойство «поддержания *рефлексивного* общественного взаимодействия» подчёркивает манипулятивность медиа. Более того, потоки быстро меняющейся информации приводят к *рассеянному состоянию сознания*, не умеющего сосредотачиваться на одном объекте, и мозаичности мышления. Об этом говорит жизнь в гипертекстовом формате, связанная с умением бесконечно переключать каналы / внимание, перестраиваясь и не вникая в очередной блок информации / ситуации. В итоге экранированный мир одновременно соединяет и разъединяет внешнее и внутреннее.

Манипулятивность электронного мира, поддерживающая рассеянность сознания, приводит нас к проблеме *интеллектуальности* кочевника. С одной стороны, умение манипулировать техническими новшествами требует определённых навыков и знаний. С другой стороны, эти навыки не связаны с фундаментально-научными знаниями и эрудицией, моментально входят в привычку, значительно оглушая человека и делая беспомощным при малейшем сбое электроники. Кочевник во всем и всегда полагается на электронный интеллект, забывая о разного рода неполадках в системе.

Размышляя над неоднозначностью проблемы интеллектуальности, сделаем ещё один акцент. Наиболее ярко *интеллектуальность* электронного кочевника проявляется в том, что его «акт коммуникации следует рассматривать не как простое перемещение некоторого сообщения, остающегося адекватным самому себе, из сознания адресанта в сознание адресата, а как *перевод* некоторого текста с языка моего «я» на язык твоего «ты»» [10, с. 653]. Данное замечание принципиально: продуцируемые электронные тексты требуют *адекватной интерпретации*, связанной с интеллектуальной деятельностью человека. Но интеллектуальная мощь выступает нередко в качестве иллюзии: цифровая техника помогает быстро и беспрепятственно извлекать информацию, но она не подвергается тщательному анализу и сравнению, всплывая на злобу дня / момента и быстро исчезая из памяти. В итоге

личность кочует по несвязанным между собой информационным потокам, образующим *абсурдный гипертекст*, не подвергая его интеллектуально-моральному осмыслению. В этом окружающем абсурде человек не способен стать «исходным пунктом абсолютной достоверности» и отчетливо произнести «я мыслю, я существую, я могу», теряя возможность «по-человечески действовать, за что-то отвечать и что-то знать» [11, с. 109-110].

В электронном кочевнике явственно проступают черты техночеловека, трансчеловека и постчеловека: вид из компьютерного / телевизионного / камерного окна «можно назвать «постгуманистическим», поскольку он уже не соответствует человеческому глазу, а производится с помощью технического оборудования» [9, с. 279]. Тяга кочевника к прекрасному имеет технический характер, позволяя говорить о *техноэстетизме*, рождающим эталоны красоты техноэпохи с подчёркиванием искусственного, о чём свидетельствуют различные киборги, омары, синтеты и др. Напичканный высокими технологиями, кочевник закрывается / уходит от реальных ситуаций, становясь непроницаемым, если это не касается его лично, для человеческих эмоций и проявлений, отчуждаясь от обстоятельств, тем самым переключая себя в русло постчеловечности.

Еще одна из угроз электронного пространства – вирусы, черви и спам, а также разного рода хакерские атаки, работающие против кочевника и делаая его уязвимым. Подчеркнём, «кибератака может исходить из любой части земного шара, от любого государства, группы или лица», а «идентифицировать или выследить всех потенциальных киберпротивников практически невозможно не только для частных компаний, но и для правительств» [7, с. 228].

Перечисленное подчёркивает сложность и неоднозначность электронного кочевничества. Дело в том, что современные технологии, олицетворяемые электроникой, мобильны и вездесущи. Они рождают новые формы не только личного проявления, но и социального взаимодействия, сотрудничества и активности. Как справедливо заметил У. Митчелл, благодаря появляющимся технологиям современности происходит «*социальное роение*», вследствие чего в зависимости от обстоятельств осуществляются стремительные перегруппировки, влияющие на эффективность работы какой-либо системы. Это, в свою очередь, актуализирует «*разум культуры*» «именно как разум общения (диалога) логик, общения (диалога) культур» [12, с. 8]. Другое дело, что современная электроника, реализуя человеческую потребность в общении, создаёт и её *динамичную иллюзию*, связанную с

анонимностью, отчуждённостью, манипулятивностью и ложью. Например, сеть как сфера и форма бытия, источник жизненного вдохновения, коммуникации и получения информации образует вокруг себя ауру притягательности и комфорта, что делает её самодостаточной. Личность конструирует в ней удобное пространство *о себе* (подчеркнём, нередко мифизированное и симулятивное), становящееся главенствующим, что способствует дистанцированию от реальности. Ещё одним жестом отчуждения от социума является множественная электроника для глаз и ушей, применение которой гарантирует личности ситуацию *присутствующего отсутствия*.

Более того, отчуждение усиливает *дематериализация* современных феноменов, в процессе которой интенсивно задействованы высокие технологии (вспомним, деньги на банковских карточках, электронные письма, sms-сообщения, чтение текстов газет / книг / учебников или просмотр фото / аудио / видео / киноархивов с электронных носителей). Вступает в силу новый закон *эры дематериализации*, сформулированный У. Митчеллом: «чем больше вы пользуетесь дематериализованными товарами, тем меньше вас волнуют местоположение и расстояние», «тем хуже заметны связи, определяющие суть происходящего» [7, с. 136].

Механизм современного отчуждения выстраивается следующим образом. В рамках общества потребления различные электронные приспособления, в том числе виртуальная среда с её визуально-оптическими эффектами, действуют на интеллект человека, одновременно его завораживая и сковывая функцию собственного воображения и фантазирования, тем самым создавая иллюзию, в которую индивид верит: «очевидности навязываются ему извне и одновременно изнутри». В итоге воображение «находится во власти какого-то невидимого оцепенения в качестве пленника и жертвы. Его как бы охватывает чудесный сон. Это воображение, можно сказать, окаменело, оно не может нарисовать самый маленький живой цветок, ни породить малейшую музыку освобождения...» [13, с. 225]. В приведённой цитате важен акцент на том, что моделируемые электроникой миры, обладающие алгоритмической заданностью и конструктивизмом, лишают человека возможности мыслить и творить самостоятельно, опираясь на собственные ресурсы. Личность, замороженная электронными / цифровыми мирами, считает их прекрасными, тем самым принижая свои способности и не используя их.

Виртуальное кочевничество, становящееся неотъемлемым свойством современной личности, приводит к кочевничеству реальному, проявля-

ьясь в различных сферах жизни (повседневности, работе, бизнесе, досуге, интеллектуальной деятельности, творчестве, быту). Человек становится кочевником, а в его жизни все приобретает черты неустойчивости, зыбкости и нестабильности, подвергаясь мгновенным изменениям и переменам. Вспомним провидческий смысл слов П.Я. Чаадаева, написавшем ещё в XIX в. по поводу бездомности русского человека, что «в своих домах мы как будто на постое, в семье имеем вид чужестранцев, в городах кажемся кочевниками» [5, с. 36]. И не последнюю роль в зыбкости существования играют не только кризисы, но и отсутствие понимания своей идентичности, поверхностное отношение ко всему, встречающемуся на пути, непривязанность к месту пребывания, отсутствие дома. Всё перечисленное говорит о неинклюзивном характере бытия личности.

Электронный кочевник – это человек, не имеющий границ и различий (национальных, государственных, возрастных, половых, профессиональных и пр.), потому что в сетях подобные характеристики нивелируются, становясь несущественными. Он – *пользователь*, и это качество обуславливает его ключевую потребность – *иметь доступ к сети* и компьютеру, осуществляя постоянный, виртуальный контакт, нередко *неважно с кем*. Отсутствие сети и гаджета повергают его в панику и стресс, он теряется в бытии, превращаясь без них в Ничто. Электронный кочевник современности – «это вырожденный, или регрессивный, вариант... «зомби» – ситуации, вполне человекоподобные, но в действительности для человека потусторонние, лишь имитирующие то, что на деле мертво. Продуктом их, в отличие от Homo sapiens, т.е. от знающего добро и зло, является “человек странный”, “человек неопишумый»» [11, с. 111]. Подчеркнём, мамардашвилиевского человека странного/неопишумого мы называем электронным кочевником, непредсказуемо-неопишумую аномальность которого усугубляет трансгрессивность его жизни. Дело в том, что виртуальное пространство, имеющее тенденцию к бесконечному расширению, позволяет кочевнику совершать трансгрессивные шаги в любом направлении, не задумываясь о моральности своих действий и последствиях. Подчеркнём, *перенос ситуации трансгрессии* как копирование в реальной жизни может привести к необратимым и даже трагическим результатам.

Условно-созданная реальность формирует динамично-непредсказуемое пространство с людьми, нередко настолько *включёнными в виртуальность*, что они никогда не выходят из нее, создавая *иллюзию бытия в реальности*. При этом динамичность

микрокоординаций в иллюзорной среде снимает необходимость личного присутствия в ситуации, рождая парадоксальную двойственность, связанную, с одной стороны, с *присутствующим отсутствием*, а, с другой стороны, появляется эффект *отсутствующего присутствия*, что становится показателем отчуждённости и *невключённости* в реальное бытие. Но нередко отчуждённое выступает для электронного кочевника в качестве защитного механизма от кризисной / проблемной реальности, обнажая его инфантильность, интерпассивность и отсутствие самодостаточности / самостоятельности. В итоге временное дистанцирование от ситуативной действительности приводит к тотальному отчуждению, в том числе, от себя – своего тела / имени / статуса / пола.

Акцентируя внимание на отношениях с другими людьми, подчеркнём, что они сегодня становятся отчуждённо-анонимными, электронно-виртуальными, являя собой дистанционную культуру. При этом коммуникация в виртуальном мире безгранична, а отчуждение накладывает ограничения, сдерживая личность. В этом обнаруживается трагическое противоречие, которое приводит к личному кризису.

Отчуждённый электронный кочевник и дематериализация окружающего его мира заставляют говорить о своеобразном *мерцании жизни*. С одной стороны, кочевник – это реальный человек, по-разному проявляющий себя в жизни (биологически, онтологически, экзистенциально, интеллектуально, нравственно, эстетически и пр.). Но его *включённость в действительность* является эпизодической, что приводит, с другой стороны, к периодической изоляции от жизни посредством электронных устройств или переход в иную / виртуальную реальность, являя собой *присутствующее отсутствие / отсутствующее присутствие кочевника*. Мерцание представляет собой смену режимов включённости в жизнь: кочевник находится то в реальном пространстве / в действительности, то в виртуальном мире гаджетов, то отрешается внутри них, отвлекаясь на нечто новое. Кочевник благодаря сетям получает возможность быть в любое время в желаемой точке мира, при этом переключаясь с одной сети на другую. Подобная ситуация говорит о появлении-исчезновении / стирании, выводя нас на постмодернистскую трактовку *следа*. Необходимо заметить, что мерцание имеет место и в функционировании самих сетей, обладающих прерывистой структурой, что обеспечивает эффективность и безопасность системы, но при этом рождает *пространство неопределённости*.

Подводя итоги, выделим следующие ключевые моменты, проведённого нами исследования. Сегодня проблема культурной идентичности современного / *со-временного* субъекта как необходимый механизм сохранения внутренней целостности личности и способ её собирания в условиях перманентных кризисов / рисков актуализируется. Для определения современной идентичности мы внедрили понятие электронного кочевника.

Фроммовская дилемма «Haben oder Sein?» («иметь или быть?») не приводит у электронного кочевника ни к чему конкретному. Желая *иметь*, он имеет иллюзию, желая *быть*, он рождает иллюзию. Электронный кочевник бездомен и фантомен. Сотканный из противоречий электронный кочевник представляет собой личность, у которой нет точки опоры, что обусловлено отсутствием ценностных констант его метафизики, которые он не желает осознавать ввиду отсутствия знания о них. Кочевник находится в непрерывно-постоянном пути (реальном / виртуальном). Он устал, пытаясь найти опору в нереальном, и не знает, чего хочет.

Электронное кочевничество создаёт иллюзии реального бытия и симулякры, размывающие границы между действительным и искусственным. Включённость в виртуальность становится настолько привычной и обыденной сферой жизнедеятельности, впаянной во всё многообразие человеческих проявлений, что феноменологическая реальность становится ненужной, избыточной, мешая самодостаточным обнаружениям электронного кочевника. В связи с этим, *электронного кочевника невозможно причислить к категории инклюзивных людей*: он включён в фантомное, но не действительное, от которого пытается отгородиться многочисленной электроникой. Более того, само включение и в искусственное, и в реальное носит мерцающий характер.

Все перечисленное приводит к тому, что электронного кочевника мы можем назвать *химеричной личностью*. С одной стороны, сочетание несочетаемого, естественного и искусственного в его бытии рождает нечто новое в нём самом, его субъективной и объективной жизни. Место реального пространства начинает занимать иллюзорно-ирреальное, становящееся более притягательным и претендующее на действительную жизнь. В этом пространстве комфортно и удобно, потому что оно уводит от феноменологической действительности с её проблемами, требующими решения и ответственности за них. С другой стороны, электронный кочевник замещает себя масками / аватарами / нарративами, наделяя их чертами, не приписываемыми пользователю, тем самым позиционируя

пустой вымысел или ложную идею, отчуждённую от автора. Кочевник, конструируя модель самого себя и своего бытия, совмещает в ней разнородный материал, нередко не совпадающий с ним в реальности. Благодаря этому рождается *мозаицизм* личности, её сознания, действий и жизни, расщепляя Я на множество Я (по У. Митчеллу, Я++). Всё перечисленное приводит к огромному количеству проблем, связанных с метафизикой человека. Он теряет свою целостность, оседлость и привязанность к чему-либо, не имеет ценностных ориентиров и не способен осуществлять смысложизненный поиск, что подчёркивает его химеричность, связанную с отсутствием жизненности, стабильности и устойчивости.

В связи с проблематичностью бытия кочевника, ему необходимо осознать / *о-со-знать* свою бездомность и сопряжённые с ней негативные черты, в том числе, нравственного характера, а далее – обозначить на карте своего жизненного маршрута точку, где можно сделать остановку и пустить корни, построив свой дом, имеющий фундамент и опору. Безмерность и громадность электронного пространства требует понимания его *хаотичности* и *несоразмерности* человеческой личности, нуждающейся в упорядоченности, гармоничности и наличию чувства меры. Рефлексивность происходящего возможна в состоянии пребывания / *пре-бытия* в одиночестве в его положительном аспекте. Личность должна заметить / обратить внимание на свою бездомность / *без-дом-ность*, где за действительное выдаётся иллюзорное. Необходимо возродить идеи солидаризма и коллективизма, основанные на культуре соучастия / *со-участия*, что поможет выстраивать не иллюзорные, а реальные диалоги с окружающими людьми, носящими продуктивный характер. Рефлексивность над сложившимися обстоятельствами поможет кочевнику *переродиться* в *электронного путника*, имеющего точку своего отправления и возвращения, конкретную траекторию движения и цель. Помимо этого, требует осмысления не количественная сторона происходящего, связанная со скоростью и числом, а – *качественная*, взывающая не к инерции, а к действию в виде мыслительных операций и интерпретаций, помогающих в смысложизненном поиске сформировать ценностную шкалу бытия личности. Кочевник, сохраняя критический взгляд на мироздание и рациональность мышления, должен осмысливать и изобретать. Именно в продуктивном взаимодействии с технологиями можно увидеть гармонию циклических процессов, где и человек формирует технологии, и технологии формируют его.

Список литературы:

1. Эриксен Т.Х. Что такое антропология. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 238 с.
2. Больнов О. фон. Новая укрытость. Проблема преодоления экзистенциализма. Введение // Философская мысль. 2001. № 2. С. 137-145.
3. Дом: Материалы заочного «круглого стола» // Ступени. 1997. № 10.
4. Дудник С.И., Камнев В.М. Метафизика бездомности: русская консервативная мысль в ситуации постмодерна // Вопросы философии. 2015. № 1. С. 14-22.
5. Чаадаев П.Я. Философические письма. М.: Римис, 2011. 272 с.
6. Санд Ж. Консуэло. М.: Азбука, 2014. 800 с.
7. Митчелл У. Я++: Человек, город, сети. М.: Strelka Press, 2012. 328 с.
8. Межуев В.М. Маркс против марксизма. М.: Культурная революция, 2007. 176 с.
9. Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М.: Strelka Press, 2014. 392 с.
10. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998. 288 с.
11. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С. 107-121.
12. Библиер В. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в XXI век. М.: Изд-во политической литературы, 1991. 417 с.
13. Старобински Ж. Грёза как архитектор // Эстетические исследования. Методы и критерии. М.: ИФ РАН, 1996. С. 225-228.

References (transliteration):

1. Eriksen T.Kh. Chto takoe antropologiya. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014. 238 s.
2. Bol'nov O. fon. Novaya ukrytost'. Problema preodoleniya ekzistentsializma. Vvedenie // Filosofskaya mysl'. 2001. № 2. S. 137-145.
3. Dom: Materialy zaochnogo «kruglogo stola» // Stupeni. 1997. № 10.
4. Dudnik S.I., Kamnev V.M. Metafizika bezdomnosti: russkaya konservativnaya mysl' v situatsii postmoderna // Voprosy filosofii. 2015. № 1. S. 14-22.
5. Chaadaev P.Ya. Filosoficheskie pis'ma. M.: Rimis, 2011. 272 s.
6. Sand Zh. Konsuelo. M.: Azbuka, 2014. 800 s.
7. Mitchell U. Ya++: Chelovek, gorod, seti. M.: Strelka Press, 2012. 328 s.
8. Mezhuev V.M. Marks protiv marksizma. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2007. 176 s.
9. Makkuair S. Mediinyi gorod: media, arkhitektura i gorodskoe prostranstvo. M.: Strelka Press, 2014. 392 s.
10. Lotman Yu.M. Ob iskusstve. SPb.: Iskusstvo, 1998. 288 s.
11. Mamardashvili M.K. Soznanie i tsivilizatsiya // Mamardashvili M.K. Kak ya ponimayu filosofiyu. M.: Progress, 1990. S. 107-121.
12. Bibler V. Ot naukoucheniya – k logike kul'tury. Dva filosofskikh vvedeniya v XXI vek. M.: Izd-vo politicheskoi literatury, 1991. 417 s.
13. Starobinski Zh. Greza kak arkhitektor // Esteticheskie issledovaniya. Metody i kriterii. M.: IF RAN, 1996. S. 225-228.